

Н. А. Холодковский

**Карл Бэр. Его жизнь и
научная деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

Н11 **Н. А. Холодковский**
Карл Бэр. Его жизнь и научная деятельность / Н. А. Холодковский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 70 с.

ISBN 978-5-458-04328-1

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

ISBN 978-5-458-04328-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Н. А. Холодковский
Карл Бэр. Его жизнь и
научная деятельность

*Биографический очерк Н. А.
Холодковского*

С портретом К. Бэра, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I

Детство и ранняя юность. – Родители и воспитатели Бэра. – Домашнее обучение и пробуждение любви к естествознанию. – Ревельская дворянская школа

Карл Эрнст, или, как его называли в России, Карл Максимович Бэр, родился 17 февраля 1792 года в местечке Пип, в Гервенском округе Эстляндской губернии, расположенном недалеко от нынешней Дерптской ветви Балтийской железной дороги. Отец Бэра, Магнус фон Бэр, принадлежал к эстляндскому дворянству и был женат на своей двоюродной сестре Юлии фон Бэр.

Первые воспоминания Бэра связаны не с домом отца, а с домом дяди, жившего в Лассиле, в Вирландском округе Эстляндии. Дело в том, что у Магнуса фон Бэра было десятеро детей, а брат его, Карл Генрих, владеец Лассилы, был совершенно бездетен. Поэтому маленького Карла вместе с его старшим братом Фридрихом отдали к дяде, который, как и его жена, страстно любил детей. До семи лет Карл оставался в Лассиле, прелестном, живописном уголке, окруженный заботами тетки, которая души не чаяла в живом, бойком мальчике. Маленький Бэр рано начал интересоваться разными предметами природы и нередко приносил домой разные окаменелости, улиток и тому подобные вещи, которые бережно прятались в шкаф, чтобы ребенок их не потерял, «и как раз поэтому и были потеряны», как добродушно замечает Бэр в своей автобиографии. Интересен рассказ Бэра о том, какое впечатление произвел на него увиденный впервые павлин. Дядя и тетка поехали в гости и взяли с собою маленького Карла; приехав, они сами вошли в дом, а мальчик оставили на дворе погулять. Ребенок пошел бродить по двору и задворкам и вдруг увидел на заборе павлина с распущенным хвостом. Остолбнев от удивления перед этим великолепием, маленький Бэр стоял неподвижно на месте, павлин также не шевелился, — и так прошло довольно много времени. Между тем дядя и тетка, окончив визит, стали искать ребенка и после долгих тщетных поисков, перепуганные, насилу нашли его.

Мирно и безоблачно протекли первые семь лет жизни будущего великого натуралиста. Учением ребенка не обременяли: Карл Генрих фон Бэр, большой почитатель военной службы (хотя сам и не военный), мечтал сделать своего племянника военным и придавал больше значения физическим упражнениям, чем наукам. Все сведе-

ния, которыми мог похвалиться маленький Бэр, исходили от случайных разговоров с дядей о звездах, Земле, различных животных и прочем, — причем дядя рассказывал все, что сам знал и чему верил, не отделяя фактов от побасенок. Семилетним мальчиком Бэр не только не умел еще читать, но и не знал ни одной буквы. Впоследствии он очень был доволен тем, что «не принадлежал к числу тех феноменальных детей, которые из-за честолюбия родителей лишаются светлого детства».

Летом 1799 года родители взяли Карла обратно к себе, так как настало уже время учить его. Для учения была приглашена старушка-гувернантка, которая и стала преподавать ему грамоту по старой методе. Но больше, чем от гувернантки, научился мальчик от старших братьев и сестер, расспрашивая их вне уроков о разных буквах и картинах своей азбуки. Через каких-нибудь три недели он мог уже, к немалому своему удивлению, довольно свободно читать, сам не зная хорошенько, как это случилось. Несколько медленнее шло обучение письму; кроме того, преподавались священная история, начала арифметики и кое-что из географии; последняя преподавалась так неумело, что дети не могли ничего из нее усвоить. Вообще гувернантка была годна, по-видимому, лишь для самого первоначального обучения; ее, впрочем, через год и сменили. На ее место вступил учителем некто Штейнгрюбер, кандидат богословия, — выходец из Германии, который приехал в Эстляндию, чтобы выучиться эстонскому языку и добиться здесь места пастора, а пока добывал себе хлеб учительством. Это был очень хорошо образованный и добросовестный человек, с большими педагогическими способностями. Наиболее силён был он в математике.

В течение трех с половиною лет он сообщил детям массу знаний по математике, географии, латинскому и французскому языкам и прочим предметам, притом нисколько не утомляя их; это казалось тем удивительнее, что ученики и ученицы его были разных возрастов и учителю приходилось делить их на группы, приспособляясь к понятиям детей. Особенно развито было у него преподавание математики, так что одиннадцатилетний Карл уже ознакомился с алгеброю, геометриею и тригонометриею и мог преподнести своему отцу собственноручно исполненный геодезический план части их имения. Дети занимались утром от девяти до двенадцати часов и после обеда от двух до четырех или пяти, кроме среды и субботы, которые были свободны; при этом им ничего или почти ничего не задавалось готовить к следующему дню: само приготовление совершалось во время урока; зато и праздников не было, кроме самых больших, как

Рождество и Пасха, когда дети на несколько дней освобождались от учения. Внеурочное время дети проводили большей частью на открытом воздухе; зимой они много катались на санях и на коньках, а летом занимались садовыми работами в предоставленном им маленьком саду, где они возводили разные фантастические украшения и сооружения и разводили цветы, плодовые деревья и кустарники. Словом, воспитание поставлено было весьма рационально. Кроме Штейнгрюбера, такую разумную постановку дела в значительной степени следует приписать и отцу Бэра. Это был, судя по данным автобиографии Карла Эрнста Бэра, человек недюжинного ума и прекрасного, доброго сердца. В воспитании он держался, прежде всего, того принципа, что общее образование должно предшествовать специальному и составлять для него основу; затем он был против слишком раннего засаживания детей за учение и против переутомления их. Предоставляя детям полнейшую свободу в выборе карьеры, он, однако же, не упускал случая ставить им на вид, что в будущем они должны рассчитывать исключительно на себя самих. Сам он был человек необыкновенно любознательный и трудолюбивый, обладал солидными юридическими знаниями и среди знавших его пользовался большим уважением и авторитетом. Политические убеждения его были умеренно-либеральные, как впоследствии и убеждения его знаменитого сына.

В 1803 году Штейнгрюбер покинул семейство Бэров, и на место его поступил другой учитель – Гланштрем. Этот наставник далеко уступал в аккуратности и подготовленности предыдущему, но дети очень любили его за добрый, веселый характер. Кроме того, для Карла оказалось весьма выгодным то обстоятельство, что Гланштрем был недоучившийся медик и интересовался естественными науками, которых до тех пор в программе учения детей Бэра вовсе не полагалось. Застав однажды своего учителя с книгой в одной руке и с растениями в другой, Карл поинтересовался, что он делает. Тот отвечал, что определяет растения, то есть старается найти их названия. Так как мальчик не мог понять, каким образом можно найти в книге название любого сорванного растения, то пришлось ему это объяснить. Живо заинтересовавшись этим делом, Карл стал ревностно собирать и определять растения, причем учитель не мог оказать ему никакой помощи, так как и сам был лишь начинающим ботаником. Таким образом, параллельно ознакомлению с естественными науками началось и самообучение, столь полезное для развития самостоятельности и духа критики, который составляет лучшую гарантию действительного, не поверхностного знания. Вместе с

коллекционированием молодой Бэр знакомился и с лекарственными растениями и стал мечтать о медицинской карьере, тем более, что Гланштрем, обладая кое-какими медицинскими сведениями, невольно сделался мало-помалу вольнопрактикующим врачом среди окрестного населения, так как настоящего врача не было; естественно, что и юный Бэр, помогая своему учителю, стал также все более и более входить в роль врача.

Пока шло это обучение, старшие брат и сестра Бэра покинули семью (сестра рано вышла замуж, брат уехал за границу), а младшие были слишком малы в сравнении с ним; в семьях соседей также не было его сверстников, а потому мальчик очутился один среди взрослых и, привыкнув к одиночеству, стал дичиться людей. Это обстоятельство, а также и то, что домашнее воспитание более ничего уже не могло дать, заставило отца Бэра подумать об отправлении его в учебное заведение, для чего и была избрана дворянская школа при городском соборе в Ревеле. Мальчика отвезли в августе 1807 года в Ревель, где после расспросов, имевших вид экзамена, директор школы определил его в старший класс (прима), приказав ему посещать в младших классах лишь уроки греческого языка, в котором Бэр был совсем не подготовлен.

В своей автобиографии Бэр отзывается о Ревельской школе в самых теплых выражениях. Он нашел в ней и превосходных, прекрасно воспитанных товарищей, к которым привязался всем сердцем, и достойных учителей, принадлежавших к числу лучших педагогов того времени. Особенно хвалит он Вермана – директора школы, преподававшего древние языки и историю, и Блаше – преподавателя математических наук. Из сверстников своих он особенно привязался к Асмуту, к которому питал чрезвычайно нежную дружбу. Время учения в Ревеле (с 1807 по 1810 год) Бэр называет поэтическим временем своей жизни. В автобиографии своей он подробно рассказывает историю Ревельской дворянской школы, излагает принятый в ней план преподавания и делает со своей стороны множество интересных замечаний педагогического характера. Будучи в общем весьма доволен ходом преподавания в школе, Бэр не скрывает и некоторых ее недостатков, из которых на первом месте он ставит плохое преподавание русского языка. Учителем этого предмета был нанят природный русский, не обладавший, однако, достаточным образованием, чтобы внушить к себе уважение учеников старшего класса, и потому служивший мишенью для их насмешек. Лучшего учителя начальство школы скупилось нанять, хотя и можно было бы найти его, если бы не ограничиваться остзейскими

губерниями, а обратиться в коренную Россию и не жалеть вознаграждения за труд порядочного преподавателя. Впрочем, отчасти виноваты были и сами русские. Первоначально в школе читали Карамзина, и чтение это интересовало воспитанников, так как Карамзин принадлежит к замечательным русским писателям; но когда школу посетило одно русское высокопоставленное лицо и нашло, что вместо Карамзина лучше было бы предложить ученикам что-нибудь более поучительное в моральном отношении, то изучение Карамзина было заменено чтением и переводами из какой-то плохонькой хрестоматии, не заключавшей в себе ничего нового и интересного для учеников.

Занимаясь ревностно предметами, преподаваемыми в школе, и изучая даже военные науки — артиллерию и фортификацию — под руководством Блаше, Бэр не забывал и естественных наук. При удобном случае он ботанизировал, собирал насекомых, раковины и т. п.

Глава II

Студенческие годы. – Дерптский университет. – Бэр отправляется довершать образование за границей. – Вена. – Вюрцбург и влияние Деллингера. – Предложение Бурдаха и отъезд Бэра в Кенигсберг

В первой половине 1810 года восемнадцатилетний Бэр окончил курс Ревельской школы; ему предстояло избрать дальнейший путь образования. Самого его тянуло в Дерптский университет, главным образом потому, что туда отправлялся его нежно любимый друг Асмут; семья же Бэра держалась того мнения, что ему следует отправиться в один из заграничных немецких университетов. Бывший учитель Бэра Гланштрем побывал за это время в Германии и с восторгом рассказывал о тамошних университетах, тогда как молодой еще Дерптский университет внушал к себе в то время мало доверия. Отец Бэра, сам получивший образование в Германии, хотел, чтобы сын его отправился в Гейдельберг. Молодому Бэру стоило немало труда упросить отца, чтобы ему хоть на год позволили ехать в Дерпт, на что отец наконец согласился при условии, чтобы сын выучился русскому языку.

Уезжая в Дерпт, Бэр решил избрать медицинскую карьеру, хотя, по собственному признанию, он сам хорошо не знал, почему делает этот выбор. В школе он одно время даже собирался посвятить себя военному делу, для чего и слушал у Блаше артиллерию и фортификацию, но вскоре отказался от этой мысли. По всей вероятности, при выборе факультета оказала влияние рано зародившаяся в нем страсть к ботанике; и так как изучение естественных наук само по себе не обещало верного материального обеспечения в будущем, то он и обратился к медицине, с которою отчасти познакомился еще в детстве, помогая Гланштрему.

«Когда я въезжал в Дерпт, – пишет Бэр в своей автобиографии, – то мне показалось, что отсюда исходит сияние света на всю окрестную страну, как от младенца Христа на картине Корреджо». Вскоре, однако, ему пришлось несколько разочароваться, так как преподавание в Дерптском университете в то время было не на высоте, в особенности по отношению к избранной Бэром специальности. Воспоминания его о Дерптском университете далеко не носят поэтому такого светлого характера, как впечатления, вынесенные из Ревельской дворянской школы. Ему не нравились ни тогдашние

студенческие корпорации, разделявшие учащихся по национальностям (эстляндцы, лифляндцы, курляндцы), ни характер преподавания в университете, где было в то время мало выдающихся профессоров. Ледебур, известный ботаник, должен был читать также зоологию и геологию с минералогией, чуждые ему специальности и потому вовсе не излагавшиеся им или излагавшиеся кое-как. Описательная анатомия читалась без всяких демонстраций и иллюстраций, чисто теоретически, неким Цихориусом, большим чудачком и весьма ограниченным человеком. Зато очень увлекательны были лекции известного ученого Бурдаха по физиологии и истории развития. Университет был весьма беден вспомогательными учреждениями; клиники при нем были, но не было ни химической лаборатории, ни физиологического кабинета, ни даже анатомического театра. Все преподавание носило исключительно теоретический характер и ограничивалось почти во всех отраслях одними лекциями. Студенты того времени большей частью кое-как занимались учебными предметами, а остальное время посвящали разным развлечениям.

Когда в 1812 году последовало вторжение Наполеона в Россию и армия Макдональда угрожала Риге, многие из дерптских студентов, в том числе и Бэр, отправились, как истинные патриоты, на театр военных действий, в Ригу, где в русском гарнизоне и в городском населении свирепствовал тиф. Заболел тифом и Бэр, как большинство врачей и их помощников, и перенес болезнь благополучно лишь благодаря своим молодым силам. Научился он при этой своей медицинской практике немногому, так как в госпитале, переполненном больными, было мало средств лечения и еще меньше порядка и опытных врачей-руководителей, но зато он приобрел много жизненного опыта, стоя лицом к лицу с ужасами войны. К счастью, вскоре распространились вести об отступлении Наполеона, и армия Макдональда также удалилась от Риги после продолжительной безрезультатной бомбардировки. «Мы были рады, — пишет Бэр, — что мы более не нужны, и возвратились в начале января в Дерпт. Чтобы мы принесли много пользы государству — в этом я очень сомневаюсь».

В 1814 году Бэр — который, как мы видим, пробыл в Дерпте не год, а остался заканчивать курс — стал готовиться к окончательному экзамену и к диссертации на степень доктора медицины. Экзамен был выдержан, и вскоре представлена и защищена диссертация «Об эндемических болезнях в Эстляндии». Диплом был у Бэра в кармане, но все же он осознавал, что, несмотря на благополучное окончание